

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>

Научная статья / Research article

Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг.

Дмитрий Васильев ^a , Светлана Асанова ^b

^a Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

^b Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Алматы, Узбекистан

 dvvasiliev@mail.ru

Аннотация: Рассматривается история миграции китайских подданных с территории Синьцзяна в 1860–1880-х гг. и мероприятия российской администрации, направленные на их адаптацию к новым социально-политическим и экономическим условиям. На основе предпринятого историографического исследования установлены волны и масштабы миграции, названы их причины. Научную новизну имеет исследование таких источников, как российская делопроизводственная и служебная документация, законопроекты и действовавшее региональное законодательство. Их изучение осуществлено с привлечением формально-юридического, сравнительно-правового методов; методов анализа и синтеза письменных источников, а также индукции, которые позволили сформулировать общее заключение о политике Российской империи в отношении нерусского населения региона, частью которого были китайские иммигранты. Проведенное исследование документов, связанных с миграцией синьцзянского населения на территорию российских владений в Центральной Азии, убеждает в том, что власти Российской империи были заинтересованы в этом процессе. Они стремились найти новым подданным место как в физическом смысле, так и среди сформировавшихся социально-экономических общностей коренного населения своих туркестанских областей. При этом имперское правительство, вслед за региональными властями, в интересах адаптации китайских иммигрантов применяла в отношении них нормы, свойственные как кочевым, так и оседлым жителям, преследуя цель сближение их статуса с положением основного податного населения государства. Иными словами, власть, как и в отношении коренных жителей степных и туркестанских областей, стремилось завершить эту адаптацию органическим слиянием бывших цинских подданных с подданными внутренних губерний Российской империи.

Ключевые слова: Семиреченская область, Джаркент, Кульджа, империя Цин, калмыки, уйгуро-дунганское восстание, Петербургский договор 1881 г., сибиряки, солоньки, маньчжуры

Для цитирования: Васильев Д.В., Асанова С.А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 34–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>

Shelter for the Afflicted: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s–1880s

Dmitry Vasilyev ^a , Svetlana Asanova ^b

^a Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

^b National University of Science and Technology "MISIS", Almaty, Uzbekistan

 dvvasiliev@mail.ru

Abstract: The authors examine the history of the migration of Chinese subjects from the territory of Xinjiang in the 1860s–1880s and measures taken by the Russian administration aimed at adapting them to the new socio-political and economic conditions. On the basis of the research, the waves and scales of migra-

tion are established and their reasons are named. The study of the sources is implemented using the formal legal method, the comparative legal method, the methods of analysis and synthesis of written sources, as well as induction. The application of these methods made it possible to formulate a general conclusion concerning the policy of the Russian Empire in relation to the non-Russian population of the region, including Chinese immigrants. The study of the documents related to the migration of the Xinjiang population to the territory of Russian possessions in Central Asia convinces us that the authorities of the Russian Empire were interested in this process. They sought to find a place for new subjects in the socio-economic communities of the indigenous population of the Turkestan territories. At the same time, the Russian authorities applied to the Chinese settlers the norms characteristic of both nomadic and settled residents. Their goal was to bring the status of former Chinese subjects closer to the status of the main population of the state. The Russian government sought to complete this adaptation through the merger of the former Qing subjects with the population of the internal provinces of the Russian Empire.

Keywords: Semirechensk region, Dzharkent, Kalmyks, Qing Empire, Uyghur-Dungan uprising, Petersburg Treaty of 1881, Kulja, Uyghurs, Dungsans, Sibo, Solons, Manchus

For citation: Vasilyev, Dmitry, and Asanova, Svetlana. "Shelter for the Afflicted: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s–1880s." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (February 2023): 34–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>

Введение

Современная отечественная историография богата работами, освещающими различные вопросы взаимодействия Российской империи с подвластным ей населением Центральной Азии. Известно, что эти взаимодействия имели системный характер и были направлены на интеграцию так называемых национальных окраин в единое гетерогенное пространство империи, на перспективу его социально-политической гомогенизации. При этом вопросы трансграничных миграций рассматриваются, как правило, в контексте международных отношений, а политика Российского государства в отношении пришлого населения выпадает из поля зрения исследователей.

Настоящая статья направлена на ликвидацию этой лакуны. В ней предлагается оценить миграционные процессы не с точки зрения государственной безопасности или возможности политического давления на соседа, а с позиции выбора государством стратегии отношения к пришлому населению.

Среди работ, связанных с российско-китайскими отношениями второй половины XIX в., в которых находят отражение сюжеты пограничной миграции, вызванной мусульманским восстанием в Синьцзяне, следует отметить монографию В.А. Моисеева¹, обобщающую значительный фактологический и статистический материал и, можно сказать, представляющую полноценное исследование внешне-политических аспектов российско-китайских отношений. Специальные исследования, посвященные истории Синьцзяна интересующего нас периода, принадлежат Д.В. Дубровской², а также советским исследователям из Средней Азии Э.М. Мамедовой³ и Г.Б. Никольской⁴.

Среди первых мигрантов, покинувших китайские владения в 1860-е гг., безусловно, доминировали калмыки, перешедшие из Калмыцкого ханства на территорию бывшей Джунгарии почти за столетие до этого. Различные аспекты этой истории довольно полно исследованы как в академических изданиях⁵, так и в трудах

¹ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

² Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М., 1998; Дубровская Д. В. Илийский кризис в русско-китайских отношениях // Восток. 1994. № 5. С. 51–63.

³ Мамедова Э.М. Из истории взаимоотношений народов Туркестанского края и Синьцзяна: со второй половины XIX века до 1917 г.: дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1963.

⁴ Никольская Г.Б. Выходцы из Синьцзяна в Туркестане в конце XIX – начале XX вв.: материалы к истории Средней Азии: дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1969.

⁵ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1.

отдельных ученых⁶. Вопросы, связанные с оттоком китайских подданных на российскую территорию в 1860–1870-е гг., освещаются в работах Б.П. Гуревича⁷, Ю.А. Лысенко⁸, других авторов⁹. Этим исследованиям, как представляется, не хватает конкретного наполнения как раз в части правительственных мероприятий, направленных на обустройство пришлого населения в российских пределах.

Исходя из этого источниками настоящей статьи стали материалы делопроизводства властей пограничной с Китаем Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства¹⁰, законы и законопроекты, учреждавшие административно-правовую систему в российских владениях в Центральной Азии¹¹, донесения и рапорты должностных лиц российской региональной администрации¹².

Названные источники обусловили применение в статье формально-юридического метода, позволяющего осуществить соответствующий анализ событий и фактов, имеющих правовое значение. Сравнительно-правовой метод дает возможность осуществить сравнение нормативно-правовых актов, относящихся к одной сфере регулирования, но к разным периодам времени. Это позволяет выявить преемственность или отклонения в государственной политике, реализовывавшейся в отношении рассматриваемой категории населения. Анализ опубликованных и неопубликованных (архивных) источников, обобщение материалов (синтез) и индукция, позволяют сформулировать общее заключение о политике Российской империи в отношении нерусского населения региона вообще.

Известно, что 31 декабря 1770 г. наместник Калмыцкого ханства Убаши приказал выступить в поход¹³. И после тайной подготовки 4–5 января следующего года калмыки двинулись в путь на Джунгарию – регион на севере Сибиряка, где проживало родственное им (ойраты) население бывшего Джунгарского ханства, поглощенного империей Цин.

Оставляя за скобками подоплеку этих событий¹⁴, приведем замечание одного из наиболее известных историков Калмыкии М.М. Батмаева:

Наряду с признанием приволжских степей «привольной и покойной» родиной, а Волги – «матерью» своей, в умах калмыцкой знати параллельно существовало убеждение, что у них есть универсальная

⁶ Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1913. Вып. 86. С. 1–52; Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону, 2002; Колесник В.И. 1) Последнее великое кочевье (о значении «торгутского побега» для периодизации всемирной истории) // Международный конгресс монголоведов, VII-й: Доклады российской делегации. М., 1997. С. 30–32; 2) К вопросу о политике Цинской империи в отношении возвращения калмыков из Нижнего Поволжья в Джунгарию в 1771 г. // Бюллетень Общества востоковедов РАН. М., 1999. Ч. 2. С. 116–118; Шиханов Н.А. Политика правительства империи Цин по расселению калмыков-торгутов в Китае в конце XVIII в. // Клио. 2021. № 6 (174). С. 90–94.

⁷ Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 423–459.

⁸ Лысенко Ю.А. 1) Проблема устройства китайских беженцев в Семиреченской области в 1868–1874 гг. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: материалы международной научной конференции. Барнаул, 2008. С. 319–329; 2) К вопросу о переселении уйгур и дунган Илийского края в Российскую империю (70–80-е гг. XIX в.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции / отв. ред. Д. В. Бузаров. Благовещенск, 2013. С. 71–75.

⁹ Тумайкина В.В. Вопрос о китайских эмигрантах, пришедших на территорию Семиречья во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 214–218.

¹⁰ Национальный архив Республики Узбекистан (далее – НА РУз). Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 3–29.

¹¹ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 825. Л. 13–32об; Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. (далее – ПСЗРИ-III). Т. 11: 1891. СПб., 1894. С. 135–147 (1-я паг.).

¹² НА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 579. 46 л.; Там же. Д. 15749. 30 л.

¹³ Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста, 2009. С. 912–913.

¹⁴ Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб., 2020. С. 270–283.

возможность сохранять свои свободы и привилегии от притязаний российского правительства. Калмыцкая знать чрезмерно уповала на особенности кочевого образа жизни, на мобильность своих улусов, которая, по их мнению, давала им возможность при неблагоприятном стечении обстоятельств, или при чрезмерном нажиме правительства уйти из-под его влияния, сменить территорию обитания¹⁵.

Считается, что Россию безвозвратно покинули 70 % калмыков (19 027 из 30 285 чел.)¹⁶ и это ускорило процесс ликвидации калмыцкой административной автономии в Российской империи. 19 октября 1771 г. был издан высочайший указ, упразднивший Калмыцкое ханство и уничтоживший его организационную структуру.

Однако на новом месте откочевавшие калмыки столкнулись со всем тем, от чего их якобы пытался защитить ближайший советник Убаши Цебек-Доржи вместе с далай-ламой: улусы были раздроблены, территорий для кочевий не хватало, простой люд попал в услужение либо стал заниматься земледелием, а калмыцкая элита была уничтожена либо ассимилирована.

Наместник и владельцы улусов были низведены до уровня маньчжурских чиновников¹⁷, упомянутых выше Убаши и Цебека-Доржи вынуждены поменяться улусами¹⁸. В следующем году для кочевий Убаши была выделена юго-западная часть Тарбагатая в глубине империи, удаленная как от возвратного пути в Россию, так и от дороги в собственно китайские земли¹⁹. В 1773 г. калмыки расселились в Восточном Туркестане к востоку от Кульджи (от Карашара до Урумчи)²⁰.

Начавшаяся административно-политическая ассимиляция в империи Цин отнюдь не устраивала волжских калмыков, и в их среде зрело желание вернуться в Россию. Препятствуя их консолидации, китайское правительство в итоге разделило прибывших торговцев и хошеутов на несколько групп и разместило в Кашгаре в северных предгорьях Тянь-Шаня: западнее Карашара (Яньци); в районе Шихо (Усу); в районе Цзинхэ; в районе Кобук-Сайр; в районе Кобдо (Ховд)²¹. Волжские калмыки оказались разделенными географически и административно, оказавшись в разных административных районах.

В 1775 г. была осуществлена административная реформа, в соответствии с которой торгуты и хошоуты были разделены на географически изолированные аймаки (по племенной принадлежности) и хошуны и утратили свое этническое единство. Вслед за этим началась перетасовка первичных административных единиц – сомонов (одни были уничтожены, другие разделены между соседями, третьи созданы заново). Та же участь ждала и хошунов. «С разрушением племенной организации исчезали старые традиции, рвались личные и имущественные связи, тесные отношения»²².

Иммиграция в результате уйгуро-дунганского восстания

В 1862 г. в глубине Китая в провинции Шаньси вспыхнуло восстание дунган, которое возглавили мусульманские духовные лидеры. Распространившееся на соседнюю провинцию Ганьсу, к лету 1864 г. оно докатилось до Синьцзяна, где приобрело жесточайшие формы. В центре событий оказалась Кульджа и Тарбагатайский округ, где на сторону маньчжур встали калмыки, которые нанесли тяжелейшее поражение казахам, примкнувшим к повстанцам. Власть в Кашгаре перешла к бывшему коканд-

¹⁵ Батмаев М.М. Уход большей части калмыков в Джунгарию // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 1. С. 421.

¹⁶ Там же. С. 431.

¹⁷ Санчилов В.П. Предисловие // Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991. С. 16.

¹⁸ Колесник В.И. Последнее великое кочевье... С. 31

¹⁹ Колесник В.И. К вопросу о политике Цинской империи... С. 117.

²⁰ Шиханов Н.А. Политика правительства империи Цин... С. 91.

²¹ Долбежеев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги... С. 6; Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай в 1771 г... С. 201.

²² Шиханов Н.А. Политика правительства империи Цин... С. 93.

скому военачальнику Якуб-беку. В марте 1866 г. Кульджа, а в апреле и Чугучак (центр Тарбагатай) оказались в руках восставших, что стало триггером, запустившим неконтролируемые процессы миграции российских подданных номадов на китайскую территорию, а китайских калмыков и др. – в Россию. Отказ российского правительства от оказания военной помощи Китаю привел к появлению в западной его части

недружественных по отношению к России мусульманских государственных образований – Таранчинско-дунганского султаната в Илийском крае, государства Джетышар или Йэтишар в Кашгарии и Союза дунганских городов в Урумчи, Манасе и прилегающих районах²³.

Российская приграничная администрация вынуждена была сразу включиться в решение вопроса обустройства беженцев. И, в свойственном империи подходу, склонялась к обращению их в российское подданство и православие. Однако некоторые местные чиновники сомневались в искренности желания китайских иммигрантов принять подданство Российской империи²⁴.

Причинами бегства кочевых и оседлых калмыков, которые после мусульманского восстания в Западном Китае бежали в российские пределы, назывались гонения, обрушившиеся на калмыков, уйгуров (таранчей), дунган и казахов по религиозному и этническому признакам. Но главная причина эмиграции калмыков состояла в том, что они во время восстания не приняли сторону ни одной из воюющих сторон, хотя более склонялись в пользу китайцев и таким образом оказались во время восстания во враждебных отношениях к мусульманам. Согласие с китайцами ими также не было достигнуто, и ни одна из воюющих сторон не смирилась с их нейтралитетом. В российские пределы бежали калмыки близлежащих к границе территорий. Калмыцкие племена, проживающие в Кашгаре и Кульдже, стали для таранчей и дунган фактически рабами, покоровившись им.

Первая партия оседлых калмыков была направлена в 1865 г. в окрестности г. Верного, где и остановилась. Последние же партии солонов, переселенных в Синьцзян из северо-восточного Китая еще в XVIII в., направились в окрестности г. Капал на р. Турген, где к 1869 г. сформировалась их значительная колония. Некоторое число беженцев прибыло к ст. Лепсинской на другом участке границы. В течение 1865 и 1867 гг. в пределы Капальского уезда эмигрировало более 3 000 чел. (не считая перешедших в Верненский уезд), около половины из которых были оседлыми²⁵.

Кочевые калмыки, прибывшие на российскую территорию в течение 1865 г., первоначально разместились в Иссык-Кульском уезде, а затем перешли в Верненский. Их численность доходила до 8000 чел.²⁶ Эти племена были обеспеченнее остальных, так как часть своего скота сохранили от разграбления сами, а часть разграбленного казахами и кыргызами была им возвращена при российском содействии. Поэтому на их содержание требовались относительно незначительные расходы.

В ином положении оказались оседлые калмыки (посаженные на землю после прибытия в джунгарские земли), а также те из кочевых, которые прибыли с границы Капальского уезда. Они не имели ни скота, ни средств к существованию. Для их устройства в сентябре 1866 г. в Верном и Капале были учреждены два специальных комитета. Капальский и Верненский комитеты по призрению китайских эмигрантов до 19 сентября 1867 г. оказали помощь иммигрантам хлебом, одеждой и деньгами на сумму около 30 тыс. руб. Кроме того, они содействовали переселенцам в отводе земель в их временное пользование и поиске заработков²⁷.

²³ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии... С. 67–92.

²⁴ Бижигитова К.С. Религиозно-нравственное состояние Сибирских и Семиреченских казаков (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Исторические и социально-политические науки». 2013. № 2. С. 16–20.

²⁵ НА РУз Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 6 об.

²⁷ Там же. Л. 10–10 об.

Пока просьбы эмигрантов о принятии их в подданство отклонялись российскими властями, китайское посольство в среду эмигрантов своих чиновников, убеждавших не оставлять китайского подданства, предлагая для беглецов земли на Черном Иртыше. И они достигли успеха. Когда комитеты стали принимать заявления от желающих вступить в русское подданство, их среди оседлых эмигрантов оказалось совсем немного. Первые заявления о принятии в русское подданство и православие в адрес Капальского комитета с марта 1867 г. были поданы от 73 семейств (298 чел.) оседлых и 210 семей (739 чел.) кочевых калмыков²⁸.

Семиреченская администрация понимала, что новые подданные империи могли принести пользу краю только в том случае, если бы им была дана возможность завести самостоятельное хозяйство, а аккультурация их стала бы возможной только под влиянием русского просвещения и веры. В представлении командующему войсками Западной Сибири от 21 марта 1867 г. военный губернатор области Г. Колпаковский просил для каждой семьи новых подданных 1 быка, 1 лошадь, 1 корову, земледельческие орудия и денежные пособия 40 руб. на постройку дома, 15 руб. на одежду, небольшое количество хлеба на посев. Он предлагал построить для иммигрантов церковь и школу и учредить при них должности священника-миссионера и учителя. Принявших подданство китайских переселенцев предполагалось отделить от прочих и поселить на удобных землях на урочища Теректы (между станицей Лепсинской и выселком Сарканским)²⁹.

Разрешение на это представление было получено только спустя год 6 марта 1868 г., но вместо запрашиваемой суммы на единовременные расходы из казны (39 584 руб. 42 ½ коп.) было отпущено только 25 тыс. руб. На месте эти деньги стали раздавать только в мае 1868 г. Затягивание более чем на год вопроса по устройству иммигрантов, пожелавших принять российское подданство, спровоцировало возвращение значительной части из них в китайские пределы. В итоге желающих принять подданство оказалось уже не 283 семьи, а 175, в том числе оседлых – только 35 семей. Весной 1868 г. они были собраны в выселке Сарканском, где им была отведена земля для посева хлебов³⁰.

Обратим внимание на одно весьма примечательное обстоятельство. Когда Капальский Комитет все-таки начал выплату пособий иммигрантам, число претендентов на подданство резко увеличилось. Вместо 283 (а фактически 175) семей за пособием обратилась 351 семья в составе 651 чел. (По другим сведениям, это число доходило до 873 чел., а число семей – до 344 чел.). Среди них 187 семей (364 чел.) принадлежали кномадам и 164 (293 чел.) к оседлым³¹.

Из отпущенной на обустройство суммы в 25 тыс. руб. было вычтено 6 844 руб. 10 коп. на постройку церкви и школы, на покупку крестов и икон. Оставшуюся сумму следовало разделить на 283 семьи, как предполагалось изначально³².

Для увеличения размера выплаты иммигранты придумали раздробить свои семьи, чтобы получить по два, а то и три, пособия. Ради предотвращения таких злоупотреблений областным начальством было дано распоряжение, чтобы пособие в полной сумме (65 руб.) выдавалось только семьям, состоящим не менее чем из трех человек. Соответственно, семьям из двух человек выдавалось две трети полного пособия, а одиночкам только одна треть. Позднее выплаты последним были вовсе прекращены на том основании, что они не в состоянии самостоятельно вести домохозяйство, и потому искать помощи для себя должны в частной благотворительности, не обременяя

²⁸ НА РУз Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 11.

²⁹ Там же. Л. 11 об.

³⁰ Там же. Л. 12.

³¹ Там же. Л. 12 об. – 13.

³² Там же. Л. 26.

расходами правительство. При этом подчеркивалось, что выдававшиеся пособия предназначались на государственно-экономические цели, то есть на помощь бедным семьям для первоначального обзаведения хозяйством, а не на филантропию. Когда выделенных на пособие сумм не хватило, недостающие средства заимствовали из денег, выделенных на строительство церкви и иные нужды.

Крещение иммигрантов началось в июле 1868 г. В августе для них были назначены священник-миссионер и учитель. Весной следующего года в выселке Сарканском была выстроена временная церковь из кошмы. Со временем здесь образовались две слободки из китайских переселенцев. Большая их часть имела пашни, на которых кроме хлеба выращивался табак, кунжут и овощи (арбузы, дыни, редис и пр.). В выселках Коксуйском и Карабулакском иммигранты занимались хлебопашеством, в г. Капале – черными работами: делали кирпичи, возводили глинобитные постройки и т. п.

Многие иммигранты в Капальском уезде заявили о желании причислиться в Семиреченское казачье войско. 29 мая 1869 г. последовало высочайшее соизволение на принятие их в казачье сословие с поселением в выселках и станицах Семиреченского войска и с предоставлением 15-летней отсрочки от действительной службы. Таким образом, устройством быта калмыков, причисленных к казачьему сословию, занялось войсковое начальство. Судьбой остальных занимались уже вместе с устройством иммигрантов Верненского уезда³³.

В Верненский уезд оседлые переселенцы прибыли осенью 1865 г. с Барахудира, и весной 1867 г. из Коксуйского выселка. В августе 1868 г. почти все они ушли в Срегниопольский уезд, намереваясь далее следовать на Черный Иртыш в китайские пределы. Массовый исход был вызван затянувшимся решением их судьбы российским правительством. Вследствие этого осенью 1868 г. в Верненском уезде почти не осталось иммигрантов, за исключением 18 семей калмыков обратившихся в Верненский комитет с желанием принять подданство и крещение. К концу года число подобных заявлений возросло до 79 семей (197 чел.), из которых 90 чел. к этому времени уже были крещены³⁴.

Большая часть этих иммигрантов желала окончательно поселиться в г. Верном, поскольку общество Алматинской станицы выделило земли для строительства, где они уже начали заготавливать строительные материалы и возводить постройки. Для заведывания поселяющимися иммигрантами в Верный был назначен особый офицер.

Первоначально принятых в российское подданство иммигрантов было немного, и местное начальство предполагало разместить их всех в одном особом поселении. Но когда они разбрелись в поиске работы почти по всем оседлым населенным пунктам области, то местное начальство пришло к убеждению, что удобнее определить их на жительство в русских оседлых поселениях. По мнению местного начальства, таким образом эмигранты, во-первых, скорее обрусееют; во-вторых, их знания в садоводстве и земледелии будут переданы большому числу русских поселенцев; в-третьих, русское население может оказывать беднейшим из них большую помощь, когда они рассыпаны при многих поселениях, чем при концентрации в одном; и в-четвертых, всем русским поселениям достанутся дешевые и искусные рабочие для построек из глины и кирпича, из которых полагалось возводить все строения. Представляя выбор мест для поселения самим иммигрантам, местное начальство не хотело стеснять их и в выборе прикрепления к какому-либо сословию³⁵.

3 марта 1869 г. Семиреченское областное правление приняло решение: 1) иммигрантам, желающим поступить в мещанство г. Верного, предоставить все льготы,

³³ НА РУз Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 14 об. – 15.

³⁴ Там же. Л. 15 об. – 16.

³⁵ Там же. Л. 17 об. – 18 об.

присвоенные русским, приписывающимся к мещанам этого города, и отвести бесплатно участки для постройки домов без земельного надела; 2) мигрантам, желающим приписаться в крестьяне, отвести близ г. Верного землю в количестве 10 десятин на душу (с соответствующими льготами) и образовать из них подгородную слободку; 3) желающим поселиться в станицах дозволить это по приемным приговорам станичных обществ с фиксацией права иммигрантов на пользование землей, но без приписки в казачье сословие (так как эта приписка разрешалась особым порядком); 4) иммигрантам, желающим приписаться в крестьяне вне казачьих сельских поселений области, предоставить равные с русскими поселенцами льготы (их – только крещеным) и надел без приемных приговоров обществ; 5) приписку в мещанство городских поселений дозволить на одинаковых основаниях с г. Верным³⁶.

Эти правила так и не вступили в силу, хотя областное начальство продолжало считать не нужным стеснять китайских иммигрантов в выборе места приписки и сословия, руководствуясь бóльшим удобством их распределения по всем поселениям области.

Иммиграция после возвращения Кульджи (Илийского края) Китая

Решение оккупировать Кульджу было принято императором Александром II в 1871 г.³⁷ Здесь было создано особое административно-территориальное образование в составе Туркестанского генерал-губернаторства – Илийский край (Кульджинский район) – под началом военного губернатора Семиреченской области с системой управления, мало отличающейся от существовавшей в китайский период³⁸. Это было сделано с целью наименее болезненного возвращения занятых земель Китаю, которое и произошло после заключения в 1881 г. Петербургского договора.

Тем не менее социальные потрясения и опасение возвращения жесткого унификационного режима толкали жителей китайского приграничья на российскую сторону. Вскоре после занятия повстанцами Кульджи переселяться начали российские подданные казахи и кыргызы. За ними двинулись сибо, солоны и калмыки. Есть сведения, что в этот период в Семиреченскую область переселилось около 14 тыс. китайских подданных³⁹. При этом отмечался и некоторый их отток с территории России⁴⁰.

Возможно, предчувствуя приближавшийся конец российского присутствия в Синьцзяне, а скорее всего, желая наверняка оказаться под защитой империи, отдельные местные жители начали миграцию в российские пределы задолго до возвращения Заилийского края Китая. Так 29 декабря 1878 г. начальник Аулиеатинского уезда доносил исправлявшему должность военного губернатора Сырдарьинской области:

Я дознался следующее: их (дунган. – Д.В., С.А.) прибыло всего шесть семей, вышли они из города Урумчи в марте месяце нынешнего года, а оттуда направились сюда через Ташкент и Чимкент, и прибыли сюда 23 декабря. Они намерены поселиться здесь потому, что находят что средства к жизни здесь недороги и к тому же они рассчитывают на возможность получения здесь заработков. Все прибывшие сюда дунгане очень бедные люди. Ввиду их бедности я отвел им даровое помещение в городе и поручил здешним дунганам, которые устроились понемногу здесь, позаботиться об обеспечении их существования⁴¹.

³⁶ НА РУз Ф. И-1. Оп. 29. Д. 16. Л. 19–20 об.

³⁷ Васильев Д.В., Почекаев Р.Ю., Асанова С.А. Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России. Вторая половина XIX в. СПб., 2021. С. 26–181.

³⁸ Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. С. 348–361.

³⁹ Лысенко Ю.А. Проблема устройства китайских беженцев... С. 319–329; Лысенко Ю.А. К вопросу о переселении уйгур и дунган... С. 71–75.

⁴⁰ Тумайкина В.В. Вопрос о китайских эмигрантах... С. 217.

⁴¹ НА РУз. И-17. Оп. 1. Д. 579. Л. 5–5 об.

Более масштабным стало переселение, сопровождавшее российско-китайское разграничение в 1881–1882 гг. По подсчетам историков, оно коснулось от 70 до 107 тыс. чел.⁴², из них 75 тыс. уйгур (таранчей), 5 тыс. дунган, около 27 тыс. казахов⁴³. Накануне вступления в Кульджу меньчжуро-китайских войск многие жители буквально в панике покидали Илийский край⁴⁴. Для размещения этого населения, естественно, не хватало земли, уступленной Китаем по Хоргосу и Борохудзире согласно ст. VII Петербургского договора⁴⁵. Приходилось их расселять на просторах Семиречья. Известно, что Китай должен был выплатить России 9 млн руб.

на покрытие издержек, вызванных занятием русскими войсками Илийского края с 1871 года, на удовлетворение всех денежных исков, возбужденных... вследствие потерь, понесенных русскими подданными от разграбления их имущества в китайских пределах, и на выдачу вспомоществований семействам русских подданных, убитых при вооруженных нападениях на них на китайской территории⁴⁶.

Заметим, что тогдашний туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман выступал категорически против занятия китайской территории, считая справедливым потребовать от империи Цин 120 млн руб., рассчитывая пустить эти средства не только на компенсацию ущерба, но и на строительство железной дороги между Оренбургом и Ташкентом. Однако его предложение встретило в правительстве протест. Безоговорочную победу одержала «политика сентиментального бескорыстия и великодушия в ущерб своему народу и государству»⁴⁷.

Урегулирование пограничных вопросов было поручено генерал-майору А.Я. Фриде, назначенного в 1882 г. семиреченским военным губернатором, когда его предшественник генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский был назначен степным генерал-губернатором. Семиреченская область была выделена из состава Туркестанского края и передана в Степной. В 1883 г. Г.А. Колпаковский учредил комиссию во главе с А.Я. Фриде для выработки новых правил управления Семиречьем в связи с изменением его принадлежности.

Не останавливаясь на вопросах, не имеющих отношения к предмету настоящей статьи⁴⁸, напомним, что некоторой корректировки требовало уже изменение этнического состава населения области, чья прежняя первичная администрация была расчитана конкретно на местных казахов и, в меньшей степени, на пришедших русских.

Теперь же, в связи притоком переселенцев из Кульджи и формированием Джаркентского участка, который имел перспективу преобразования в полноценный уезд, комиссия Фриде предложила усилить административный состав и финансирование области. В частности, следовало в областное правление добавить одно отделение⁴⁹, учредить 8 участковых управлений в первую очередь в пограничных уездах⁵⁰.

Этнокультурное изменение населения Семиречья (массовое переселение уйгуров и дунган) подвигло комиссию на предложение применить административные нормы, установленные для оседлого населения соседних туркестанских областей.

⁴² *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии... С. 206–207; *Гуревич Б.П.* История «Илийского вопроса»... С. 458.

⁴³ Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул, 2014. С. 60.

⁴⁴ *Гуревич Б.П.* История «Илийского вопроса»... С. 458.

⁴⁵ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб., 1889. С. 228–229.

⁴⁶ Там же. С. 228.

⁴⁷ *Кадников В.С.* Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. Т. 124. № 6. С. 906–908.

⁴⁸ *Васильев Д.В.* Бремя империи. С. 466–482.

⁴⁹ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 135 об. – 137.

⁵⁰ Там же. Л. 138.

В Семиреченской области действовали суды биев и казиев. Естественно, пришлое население требовалось адаптировать к этим условиям. В материалах комиссии упоминается 1000 кибиток калмыков. Принимая во внимание сходство их судебных обычаев с казахскими (и кыргызскими), было предложено на них распространить суд биев по установленным правилам⁵¹.

Уйгуры (таранчи) были оседлым населением, сохранившим у себя народный суд по шариаду, значительно дополненный местными обычаями.

Народный суд у таранчей в формах своих и в существе народных обычаев очень сходен с судом биев, и обе народности... охотно разбирались общим судом из биев и казиев. Вследствие сего и по неудобству ныне же подчинить таранчей русскому суду, впредь до постепенного обрусения этих выходцев и до проникновения их быта и воззрений русскими началами и понятиями следовало бы оставить таранчам их народный суд, подчинив оный правилам для суда биев...⁵²

с некоторыми изменениями. Наиболее серьезные уголовные преступления следовало исключить из ведения народных судей уйгуров и передать их имперскому суду. Поэтому все эти преступления были отнесены к юрисдикции имперского суда. Те же правила предлагалось распространить и на дунган, исповедовавших ислам и судившихся казиями⁵³.

Не желая, в силу низкой эффективности русского суда по делам о кражах скота, передавать рассмотрение дел между таранчами и дунганами русскому суду, комиссия предложила следующий вариант:

Таранчи и дунганы Семиреченской области подлежат по делам между собою суду казиев, образуемому и действующему на тех же основаниях, какие определены... для суда биев, с тем лишь изменением, что иски свыше 100 р. разбираются и приговоры о наказании штрафом свыше 10 р. или лишением свободы постановляются не иначе как на съездах казиев...⁵⁴

Это уникальный случай, когда представители разных народностей судились не русским, а народным судом, свидетельствует о желании и готовности местной администрации не идти напролом к цели обрусения региона, а найти наиболее эффективный вариант для адаптации всего населения края к новым политическим реалиям. Ко всему прочему, комиссия была убеждена, что оседлое население Семиречья было весьма далеко от оседлых жителей Туркестана, а потому не должно было иметь идентичную судебную систему⁵⁵.

Предложения комиссии А. Фриде реализованы не были, так как в столице и в Омске (центр Степного генерал-губернаторства) продолжался поиск наиболее приемлемого решения для административно-правовой организации кочевой окраины империи. В 1888 г. Особая комиссия при Министерстве внутренних дел разработала проект Положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Казалинской⁵⁶. В нем также нашло отражение появление в кочевом регионе оседлого населения из соседнего Китая.

Проект Особой комиссии предусматривал раздел об управлении оседлого населения, что в первую очередь было вызвано как развитием переселенческого дела, так и иммиграцией из Китая. По смыслу законопроекта волости в областях надлежало организовывать не только по территориальному принципу, но и с учетом этносоциального фактора – отдельно для кочевого и оседлого (отдельно для

⁵¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 64. Оп. 1. Д. 115. Л. 150 об.

⁵² Там же. Л. 151.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 151 об.

⁵⁵ Там же. Л. 151 об.

⁵⁶ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 825. Л. 13–32 об.

русского и нерусского) населения. По аналогии с русскими сельскими жителями дунгане и уйгуры в уездах делились на волости и сельские общества. Их возглавляли волостные управители и аульные старшины. При этом порядок избрания должностных лиц общественного управления, порядок работы волостного съезда и сельского схода устанавливались идентично кочевому населению (§ 84, 88–89). Глава о податях с оседлого населения подчеркивала фискальное равенство оседлых жителей – русских, уйгуров и дунган, которые должны были облагаться оброчной податью на общем для империи основании (§ 250–251). Глава об организации и функционировании народного суда в степных областях была в значительной мере унифицирована и также лишена этнического своеобразия. Она констатировала в § 183:

Инородцы, кочевые и оседлые, имеют отдельные народные суды, разрешающие подсудные им дела на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев⁵⁷.

Результатом многолетних подготовительных работ стало Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями, утвержденное в законодательном порядке в 1891 г.⁵⁸

Закон не видел различия между китайскими иммигрантами и коренным населением российской степи в части судопроизводства по названным выше причинам. Что же касается их первичного управления, то, фактически сближая их с русскими станичниками, Положение сохраняло определенную специфику. Поселения уйгуров и дунган делились на волости, а те, в свою очередь, на сельские общества. В основе объединения поселений в сельские общества лежал принцип пользования близлежащими земельными участками и оросительными каналами, что соответствовало принципу соединения скотоводческих владений в аулы. Как у кочевников, перечисление отдельных лиц и семейств из одного общества в другое позволялось с разрешения уездного начальника, основанного на увольнительном или приемном приговоре сельского схода. А как у русских земледельцев, во главе волостей стояли волостные управители (у русских – волостные старшины), а сельскими обществами заведовали сельские старшины (у русских – сельские старосты). При этом порядок избрания и назначения должностных лиц общественного управления, а также права, обязанности и ответственность, равно как и порядок работы волостного съезда и сельского схода, соответствовали правилам, установленным для кочевого населения степных областей (§ 91–96).

Добавим, что российская администрация, стремившаяся укоренить переселенцев и превратить их в лояльных подданных, которые не могут стать причиной для осложнения пограничных отношений с довольно могущественным соседом, предпринимала конкретные шаги (в том числе и полицейского характера) для предотвращения их откочевания⁵⁹, возвращали уже принявших российское подданство и даже обеспечивали казенным заработком⁶⁰.

Выводы

Проведенное исследование документов, связанных с миграцией синьцзянского населения в 1860–1880-х гг. на территорию Российской империи, убеждает в том, что, принимая на своей стороне и в свое подданство кочевых (первая волна) и оседлых (вторая волна) выходцев из китайских владений, российские власти стремились найти им место среди сформировавшихся социально-экономических

⁵⁷ ПСЗРИ-III. Т. 11: 1891. № 7574. С. 135–147 (1-я pag.).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ НА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 579. Л. 13–13 об.

⁶⁰ Там же. Д. 15749. Л. 2–2 об.

общностей. При этом подходили к этому вопросу весьма дифференцированно: где-то давая им нормы, свойственные кочевым жителям степи, где-то устанавливая для них правила, по которым жило основное податное население империи. И, судя по опыту коренных народов российской части Центральной Азии, в финале этого процесса адаптации должно было наступить органическое (естественное) слияние бывших цинских подданных с подданными внутренних губерний Российской империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.01.2023

References

- Batmaev, M.M. "Ukhod bol'shei chasti kalmykov v Dzhungariyu [Departure of most of the Kalmyks to Dzungaria]." In *Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. Vol. 1, 420–431. Elista: Gerel Publ., 2009 (in Russian).
- Bizhigitova, K.S. "Religiozno-nravstvennoe sostojanie Sibirskih i Semirechenskih kazakov (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.) [Religious and moral state of the Siberian and Semirechensk Cossacks (second half of the 19th – early 20th centuries)]." *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Seriya Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki*, no. 2 (2013): 16–20 (in Russian).
- Dolbezhev, B.V. "Sud'ba kalmykov, bezhavshikh s Volgi [The fate of the Kalmyks who fled from the Volga]." In *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* 86 (1913): 1–52 (in Russian).
- Dordzhieva, E.V. *Iskhod kalmykov v Kitai v 1771 g.* [Exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh Publ., 2002 (in Russian).
- Dubrovskaya, D.V. "Iliiskii krizis v russko-kitaiskikh otnosheniyakh [Ili crisis in Russian-Chinese relations]." *Vostok*, no. 5 (1994): 51–63 (in Russian).
- Dubrovskaya, D.V. *Sud'ba Sin'tsziana: Obretenie Kitaem 'Novoi granitsy' v kontse XIX v.* [The fate of Xinjiang: China's acquisition of the 'New Frontier' at the end of the 19th century]. Moscow: IV RAN Publ., 1998 (in Russian).
- Gurevich, B.P. "Istoriia 'Iliiskogo voprosa' i ee kitaiskie fal'sifikatory [The history of the 'Ili question' and its Chinese falsifiers]." In *Dokumenty oprovergaiut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii*, 423–459. Moscow: Mysl' Publ., 1982 (in Russian).
- Kadnikov, V.S. "Iz istorii Kul'dzhinskogo voprosa [From the history of the Kul'dzha issue]." *Istoricheskii vestnik*, no. 6 (1911): 893–909 (in Russian).
- Kolesnik, V.I. "K voprosu o politike Tsinskoi imperii v otnoshenii vozvrashcheniya kalmykov iz Nizhnego Povolzh'ya v Dzhungariyu v 1771 g. [On the question of the policy of the Qing Empire regarding the return of Kalmyks from the Lower Volga region to Dzungaria in 1771]." In *Byulleten' Obshchestva vostokovedov RAN*. Vol. 2, 116–118. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 1999 (in Russian).
- Kolesnik, V.I. "Poslednee velikoe kochev'e (o znachenii 'torgut'skogo pobega' dlia periodizatsii vseмирnoi istorii) [The last great nomad camp (on the significance of the 'Torghut escape' for the periodization of world history)]." In *VII-i Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov. Doklady rossiiskoi delegatsii*, 30–32. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 1997 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. "K voprosu o pereselenii uigur i dungan Iliiskogo kraja v Rossiiskuyu imperiyu (70–80-e gg. XIX v.) [On the issue of the resettlement of the Uighurs and Dungsans of the Ili region to the Russian Empire (70–80s of the 19th century)]." In *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 71–75. Blagoveshchensk: BGPU Publ., 2013 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. "Problema ustroistva kitaiskikh bezhentshev v Semirechenskoj oblasti v 1868–1874 gg. [The problem of the settlement of Chinese refugees in the Semirechye region in 1868–1874]." In *Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral'noi Azii: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 319–329. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2008 (in Russian).
- Mamedova, E.M. "Iz istorii vzaimootnoshenii narodov Turkestanskogo kraja i Sin'tszyana: so vtoroi poloviny XIX veka do 1917 g. [From the history of relations between the peoples of the Tur-

- kestan region and Xinjiang: from the second half of the 19th century to 1917].” PhD diss., Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1963 (in Russian).
- Moiseev, V.A. *Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii: (Vtoraia polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia: (Second half of the 19th century – 1917)]. Barnaul: AzBuka Publ., 2003 (in Russian).
- Nikol'skaya, G.B. “Vykhodtsy iz Sin'tszyana v Turkestane v kontse XIX – nachale XX vv.: materialy k istorii Srednei Azii [Natives of Xinjiang in Turkestan in the late 19th – early 20th centuries: materials on the history of Central Asia].” PhD diss., Tashkent University, 1969 (in Russian).
- Sanchirov, V.P. “Predislovie [Preface].” In Bichurin, N.Ya. (Iakinf). *Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni*, 5–17. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991 (in Russian).
- Shikhanov, N.A. “Politika pravitel'stva imperii Tsin po rasseleniyu kalmykov-torgutov v Kitae v kontse XVIII v. [The policy of the government of the Qing Empire on the resettlement of Kalmyk-Torguts in China at the end of the 18th century]” *Klio*, no. 6 (2021): 90–94 (in Russian).
- Startsev, A.V., ed. *Politika Rossii i Kitaya v Tsentral'noy Azii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI v.* [The policy of Russia and China in Central Asia in the second half of the 19th – early 21st century]. Barnaul: Azbuka Publ., 2014 (in Russian).
- Suseeva, D.A. *Pis'ma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.)* [Letters from the Kalmyk khans of the 18th century and their contemporaries (1713–1771)]. Elista: Dzhangar Publ., 2009 (in Russian).
- Tumaikina, V.V. “Vopros o kitaiskikh emigrantakh, prishedshikh na territoriyu Semirech'ya vo vtoroi polovine XIX v. [The question of Chinese emigrants who came to the territory of Semirechye in the second half of the 19th century.]” In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4-5 (2008): 214–218 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. *Bremia imperii. Administrativnaia politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraia polovina XIX v.* [Burden of the empire. Russian administrative policy in Central Asia. Second half of the 19th century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediia Publ., 2018 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. *Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii: XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Birth of the Empire. South-East of Russia: XVIII – first half of the XIX century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2020 (in Russian).
- Vasilyev, D.V., Pochekaev, R.Yu., and Asanova, S.A. *Predel imperii: Vostochnyi Turkestan, Kul'dzha, Khunza v orbite politicheskikh interesov Rossii. Vtoraya polovina XIX v.* [The limit of the empire: Eastern Turkestan, Ghulja, Hunza in the orbit of Russia's political interests. Second half of the 19th century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Валентинович Васильев, д-р истор. наук, профессор кафедры отечественной истории, Московский городской педагогический университет; 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4; dvvasiliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Dmitry V. Vasilyev, Dr. Habil in History, Professor of the Department of Domestic History, Moscow City University; 4, Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, Moscow, 129226, Russia; dvvasiliev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Светлана Алексеевна Асанова, канд. истор. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»; 110105, Узбекистан, Алмалык, ул. Амира Тимура, 56; asa_svetlana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5368-6681>

Svetlana A. Asanova, PhD in History, Associate Professor of the Department of Social and Humanities Disciplines, National University of Science and Technology “MISIS”; 56, Amir Timur str., Almalyk, 110105, Uzbekistan; asa_svetlana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5368-6681>